

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017814-8

К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ

© 2021 г. Е. В. Рахилина

доктор филологических наук,
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
rakhilina@gmail.com

© 2021 г. Ш. С. Некушоева

кандидат филологических наук,
профессор, заместитель директора Института
гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан,
736002, Таджикистан, г. Хорог, ул. Холдорова, д. 1
nekushoeva@bk.ru.

© 2021 г. Е. Е. Арманд

кандидат филологических наук,
доцент Института классического Востока и античности
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
armandlena@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию лексической семантики глаголов со значением ‘прятать’ в одном из малых восточноиранских языков Памира – шугнанском, на котором говорят в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Материалом для статьи послужили словарные данные шугнанского языка (Карамшоев 1988–1999), а также полевые материалы 2021 года (г. Хорог), собранные авторами по типологической анкете, которая была создана Московской лексико-типологической группой в рамках работы над проектом “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”. В работе последовательно рассматриваются все шугнанские лексемы со значением ‘прятать’ и проводится анализ примеров их употреблений. Проанализированный материал показывает, что исходно лексическая система шугнанского языка была практически лишена поля ПРЯТАТЬ. Формирование этого поля происходило постепенно путем заимствования соответствующих лексем из доминантного для этого региона таджикского языка. Парадоксальным образом в результате шугнанская система не стала идентичной таджикской в этой лексической зоне. Дело в том, что в качестве основного глагола для обозначения самых разных ситуаций прятания шугнанский язык выбрал таджикский глагол со значением ‘класть, помещать’ и со временем развил у него значение ‘прятать’. Основные же для таджикского языка глаголы со значением ‘прятать’ – образованные на базе признаков ‘скрытый, тайный’ – в шугнанской системе оказались на периферии. В работе прослеживаются семантические переходы – как те, что свойственны глаголам со значением ‘прятать’, так и те, что приводят к образованию предикатов с таким значением.

Благодарность: При поддержке гранта РФФИ 20-012-00240 “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”.

Ключевые слова: лексическая типология, прятать, памирские языки, шугнанский язык.

Для цитирования: Рахилина Е.В., Никушоева Ш.С., Арманд Е.Е. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 69–78. DOI: 10.31857/S241377150017814-8

On the History of Concepts: A Linguistic Perspective. The Verb ‘to hide’ in Shughni

© 2021 Ekaterina V. Rakhilina

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
rakhilina@gmail.com

© 2021 Shakhlo S. Nekushoeva

Cand. Sci. (Philol.),
Professor, Associate Director of the Institute of Humanities,
National Academy of Sciences of Tajikistan,
1 Holdorova Str., Khorog city, 736002, Republic of Tajikistan
nekushoeva@bk.ru

© 2021 Elena Ye. Armand

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Faculty of Humanities,
Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
armandlena@yandex.ru

Abstract. In this paper, we undertake a study of the lexical semantics of verbs with the meaning ‘hide’ in one of the small Eastern Iranian languages of the Pamirs – Shughni, spoken in the Gorno-Badakhshan Autonomous Province of Tajikistan. Data for the paper were extracted from the published dictionary of the Shughni language (Karamshoev 1988–1999), as well as field materials from 2021 (Khorugh) collected by the authors on the basis of a typological questionnaire, created by the Moscow Lexico-typological group as part of the work on the project “The problem of semantic continuity in the lexico-typological aspect”. The paper consistently examines all Shughni lexemes with the meaning ‘hide’ and analyzes examples of their use. The analyzed material shows that the original lexical system of the Shughni language was practically devoid of the semantic field ‘hide’. The formation of this field took place gradually by borrowing the corresponding lexemes from the dominant language for this region (Tajik). Paradoxically, the Shughni system did not, as a result, become identical to Tajik in this lexical area. In reality, the Shughni language chose the Tajik verb with the meaning ‘to put, to place’ as the main verb to designate a variety of situations of hiding, and over time developed for it the general meaning of ‘hide’. At the same time, the principal Tajik verbs for the meaning ‘to hide’ – formed on the basis of the semantic aspects ‘hidden, secret’ – in the Shughni system turned out to be on the periphery. Our work traces semantic shifts – both those typical of verbs with the meaning ‘hide’ and those that lead to the formation of predicates with such a meaning.

Acknowledgements: The work was carried out with the support of the RFBR, project No. 20-012-00240 “The Problem of Semantic Continuity in the Lexico-Typological Aspect”.

Key words: lexical typology, to hide, Pamir languages, Shughni.

For citation: Rakhilina, E.V., Nekushoeva, Sh.S., Armand, E.Ye. *K istorii ponyatij: lingvisticheskij rakurs. Shugnanskoe PRYATAT'* [On the History of Concepts: A Linguistic Perspective. The Verb 'to hide' in Shughni]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 69–78. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017814-8

1. Введение

Исходная задача нашей статьи — сугубо лингвистическая: исследование лексической семантики глаголов со значением ПРЯТАТЬ в шугнанском языке¹. В этом качестве она вкладывается, с одной стороны, в более широкий типологический проект исследования глаголов с недоопределенной семантикой, к которым относятся глаголы этой небольшой группы (см. выше Благодарность). С другой стороны, этот сюжет вкладывается в более общее и сугубо практическое исследование, уточняющее в семантическом плане словарное описание шугнанских глаголов. Мы проводим его в рамках совместной работы Школы лингвистики НИУ ВШЭ и Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана по редактированию знаменитого шугнанско-русского словаря Д. Карамшоева [1], основная работа над которым велась полвека назад. Для практически бесписьменного языка (литература на шугнанском крайне скудна) такая временная дистанция оказывается очень значительной — особенно в условиях существенных социальных перемен последних десятилетий. Пересмотр данных Д. Карамшоева важен и для мониторинга динамики лексико-семантических изменений в языках мира.

Однако, как мы покажем, осмысление лексического материала может выходить за рамки простого типологического или лексикографического описания. Представленные здесь данные отражают сложное и динамичное взаимодействие двух языков — шугнанского и таджикского, сосуществующих в общем географическом и политическом пространстве. Это взаимодействие затрагивает и процесс формирования абстрактных понятий: приобретение новых значений через заимствование слов и калькирование, но одновременно и постепенную утрату “лишних” единиц, и упрощение фрагмента лексической системы. Отследить такой

¹ Шугнанский язык относится к шугнано-рушанской группе памирских языков (восточноиранские языки). Шугнанский язык играет роль лингва франка для памирцев, он распространен на территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, а также в прилегающей с юга провинции Бадахшан Исламской Республики Афганистан. О шугнанском языке см. [3, с. 225–226].

сложный процесс своего рода лингвистической “истории понятий” [2] обычно очень трудно, но кажется, в данном случае это может получиться.

Выбор глаголов прятанья как объекта данного исследования определялся их семантической спецификой, представляющей для нас особый интерес. В отличие от обычных процессных глаголов, скажем, глаголов с семантикой движения (‘идти’, ‘ползти’, ‘катиться’), смены possessора (‘красть’, ‘давать’, ‘меняться’) или, например, поглощения пищи (‘есть’, ‘пить’, ‘прихлебывать’), глаголы прятанья сами по себе не описывают никакой конкретной ситуации, предсказуемым образом развивающейся во времени. Действительно, ни для какого глагола этой группы способ прятанья никогда не определен: можно прятать, перемещая лицо или объект, можно — закрывая его от посторонних глаз, можно даже комбинировать эти действия — важно только, чтобы всегда присутствовала общая цель: **сокрытие объекта**. Именно эта цель, а не жесткая последовательность конкретных ситуаций (ср.: перенести центр тяжести на одну ногу, поднять другую, переместить ее вперед, опустить до соприкосновения с поверхностью... — как в случае ИДТИ) объединяет все возможные ситуации прятанья. Заметим, что глаголы прятанья безоценочны. Их особенность именно в недоопределенности значения, как бы исключающей суть основного процесса², которая не мешает им существовать и образовывать нетривиальные системы со сложными оппозициями в самых разных языках мира [4].

Важно, что ввиду абстрактности недоопределенного значения оно может передаваться не непосредственно — специализированной лексемой или группой лексем, а переносно, с опорой на какие-то уже существующие в языке конкретные значения. Эта особенность ставит задачу исследования семантических источников недоопределенных предикатов (ср. в их числе НАХОДИТЬ) — и среди них источников для семантики ‘прятать’. Предварительные исследования в этом направлении [4] довольно хорошо соотносятся с данными

² Ср. близкий класс интерпретативов (термин Ю.Д. Апресяна) как оценочных слов с “пропущенным” процессом — типа *баловать, грешить, нарушать закон* [8], ср. также [9].

базы CLICS3 [5] (а в некоторых позициях дополняет ее) и выделяют несколько важных сдвигов, которые оказываются релевантны и для шугнанского языка:

- ‘хранить / keep’ → ‘прятать’
- ‘накрывать / укрывать / cover’ → ‘прятать’
- ‘помещать’ → ‘прятать’

С семантической точки зрения эти сдвиги вполне ожидаемы, потому что каждый из них представляет конкретное действие, которое можно совершить, чтобы скрыть некоторый объект: переместить этот объект куда-то, накрыть его чем-то, хранить / сохранять его — не используя и тем самым не демонстрируя другим. Именно этому принципу подчиняются источники и других недоопределенных глаголов, ср. семантические переходы в зону ‘искать’, описанные в [6] для славянских языков и в [7] в широкой типологической перспективе: они описывают какой-то частный вид деятельности для поиска объекта. Ср.:

- ‘смотреть’ → ‘искать’;
- ‘ощупывать руками (например, в темноте)’ → ‘искать’;
- ‘ходить (в поисках)’ → ‘искать’;
- ‘копать(ся), рыть(ся)’ → ‘искать’;
- ‘охотиться’ → ‘искать’ и другие.

Поэтому статья будет строиться следующим образом. В разделах 2–4 мы подробно рассмотрим шугнанскую систему глаголов прятанья. Порядок описания системы будет соответствовать порядку только что обозначенных источников для ‘прятать’. Мы начнем с обсуждения центрального глагола с наиболее широкой сочетаемостью и потом перейдем к рассказу о более маргинальных глаголах с нетривиальной семантикой.

(1)	<i>wuz=ta</i> 1SG=IRR	<i>yi</i> один	<i>kunj-ard</i> угол-LAT	<i>tu</i> 2SG	<i>joy</i> место	<i>kin-um</i> делать-1SG
-----	--------------------------	-------------------	-----------------------------	------------------	---------------------	-----------------------------

‘Я спрячу тебя в каком-нибудь уголке.’ [1, т. 2, с. 146]

(2)	<i>cif-č-in</i> красть-PF-PTCP	<i>joy</i> место	<i>čīd-ow</i> делать-INF2
-----	-----------------------------------	---------------------	------------------------------

‘Прятать украденное’

(3)	<i>čūd=i</i> делать.PST=3SG	<i>joy</i> место	<i>wam</i> D3.F.SG.O	<i>čēd</i> нож
-----	--------------------------------	---------------------	-------------------------	-------------------

‘Спрятал (он) тот нож.’ [1, т.3, с. 556]

(4)	<i>dam</i> D2.F.SG.O	<i>wix̄t̄z</i> ключ	<i>pi</i> UP	<i>pilas</i> палас	<i>bīr</i> под	<i>joy</i> место	<i>kin</i> делать-IMP
-----	-------------------------	------------------------	-----------------	-----------------------	-------------------	---------------------	--------------------------

‘Положи (спрячь) тот ключ под паласом.’

(5)	<i>yid</i> D2.SG	<i>xu</i> REFL	<i>kurtay-en</i> платье-PL	<i>zord</i> сердце	<i>na=vire-d,</i> NEG=находить-3SG
	<i>joy</i> место	<i>wew</i> D3.PL.O	<i>kix̄t</i> делать.3SG		

‘Ему жалко (надевать) рубашки, бережет их.’ [1, т.2, с. 148]

В разделе 5 мы подведем итог этому исследованию и обсудим его в более широкой перспективе.

Все примеры даются либо по материалам [1], проверенным нами с точки зрения их актуальности для сегодняшнего узуса, либо собраны авторами статьи по анкете [4] в рамках работы над проектом “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”.

2. Доминантный глагол *joy(y) čīdow*

Шугнанскую систему поля прятанья можно отнести к доминантным: в ней доминирует сложный глагол *joy(y) č.* на базе существительного *joy(y)* со значением ‘место, определенное пространство; край, область, местность; местонахождение, местожительство’ [1, т. 3, с. 556]. Таким образом, буквальным значением основного глагола прятанья в шугнанском оказывается ‘делать место’, то есть ‘помещать’³. В шугнанском этот же глагол развивает и связанное с прятаньем значение ‘хранить, беречь’.

Таким образом, в отношении глагола *joy(y) č.* шугнанская система хорошо вкладывается в общую лексико-типологическую картину.

Как мы уже сказали, сам этот глагол играет в шугнанском ключевую роль как маркер значения ‘прятать’: он применим и к ситуации сокрытия людей (1), и к ситуации тайного хранения артефактов, представляющих ценность (2) или опасность (3), и к ситуации хранения объекта в специально отведенном месте (4), и в ситуации неиспользования объекта при бережном с ним обращении (5), и наконец, при укрывании части тела от внешнего воздействия или наблюдения (6):

³ По-видимому, в этом значении он был калькирован из таджикского *чо кардан* ‘помещать, размещать, укладывать, наполнять’ [10, с. 1057].

(6) *mu* *pus=i* *xu* *dust-en* *as* *xu* *zibo* *joy* *čūd*
 1SG.O сын=3SG REFL рука-PL EL REFL зад место делать.PST

‘Мой сын спрятал руки за спиной.’

В значении ‘прятать’ может также употребляться вариант *bar jo čīdow* ‘положить, помещать, определить на место’, где перед именной частью глагола добавляется предлог *bar* ‘на’:

(6.1) *bar* *jo(y)* *di* *kin* *lāk* *uz*
 COM место D2.M.SG.O делать.IMP чтобы 1SG
di *mā-vir-īm*
 D2M.SG.OBL NEG-найти-1SG

‘Положи это куда-нибудь, чтоб я не нашел.’

(6.2) *Arcūnd=at* *yūdand=at* *yamand* *wi* *bar* *joy*
 сколько.бы=2SG здесь=и там D3.M.SG.O COM место
čūd, *uz=um* *wi* *virūd*
 делать.PST 1SG=1SG D3.M.SG.O найти.PST

‘Сколько ты ни перепрыгивал это то тут, то там, я это нашел.’

Примечание

Работа над анкетой показала, что часть ситуаций, в принципе релевантных для зоны прятанья, в шугнанском по разным причинам выходит за ее пределы. Например, ситуация, которая могла бы интерпретироваться как ‘спрятать волосы под платок’ может передаваться исключительно конверсно, как ‘покрыть волосы платком’, с помощью глагола *biḡīn č.* в его прямом значении ‘накрыть, покрыть’ (см. раздел 4). Ситуация ‘поджать / спрятать хвост (о собаке)’ культурно не значима и не маркируется лексически, потому что собака считается нечистым животным.

(7) *yu* *mu-rd* *pano* *vud*
 D3.M.SG 1SG.O-LAT скрытый быть.PST.3SG

‘Он был мне не виден’ / от меня скрыт.’ [1, т.2, с. 372]

(8) *mu-nd* *yi-čīz* *as* *tu* *pinūn* *nist*
 1SG.O-LOC что-нибудь EL 2SG скрытый be.NEG

‘У меня нет ничего тайного от тебя.’ [1, т.2, с. 414]

(9) *wuz* *xu* *kor* *as* *wi* *pano / pinūn*
 1SG REFL поступок EL D3.M.SG.OBL скрытый
na-kin-um
 NEG-делать-1SG

‘Я не таю от него свои поступки.’

При этом глагол *pano č.* воспринимается в шугнанском как устаревший и, в частности, не выдерживает конкуренции с *jo(y) č.* в сочетании с объектом-лицом или предметным именем типа (1) (‘я спрячу тебя’)

(10) *uz=um* *pano* *δod* *at* *wād=en*
 1SG=1SG скрытый бить.PST ADD D3.PL=3PL
mis *firīp-č*
 тоже пойти-PF

‘Я скрылся (из глаз), и они тоже добрались.’

3. Близкая семантика, разная судьба: *pano* & *pinūn*

Помимо *jo(y) č.*, в словаре Д. Карамшоева для перевода русского ‘прятать’ приводится два похожих сложных глагола – *pano č.* и *pinūn č.*, оба таджикизмы⁴, на базе прилагательных с уже изначально абстрактным значением ‘скрытый или тайный’ (7)–(8). Тем самым для этих глаголов речь о внешнем семантическом источнике ‘прятать’ не идет. Обратим внимание, однако, что в параллель к абстрактному значению базового признака центральными употреблениями этих глаголов являются контексты с абстрактным именем ситуации как объектом сокрытия, ср. (9).

vud
 быть.PST.3SG

pinūn *nist*
 скрытый be.NEG

pano / pinūn
 скрытый

или (3) (‘спрятал (он) тот нож’). Как часть глагола, продуктивным признаковое слово *pano* осталось в основном в составе непереходного сложного глагола *pano δēdow* ‘скрываться, становиться не видным’:

at *wād=en*
 ADD D3.PL=3PL

⁴ *Панаҳ кардан* а) прикрывать, заслонять что-л.; б) прятать, укрывать; в) скрывать; таить; утаивать [10, с. 463].

Пинҳон скрытый, тайный, секретный, ~ *кардан* прятать, скрывать, утаивать [10, с. 478].

Другое частотное употребление *pano* – в составе сакральных формул типа *Pano bar Xudoу* ‘Да хранит [тебя, нас, их, вас] Бог’.

В этом отношении второй глагол, *pinûn* č. встроен в современный шугнанский гораздо лучше – в частности, он допустим с объектами-

артефактами (11), хотя чаще – с абстрактными объектами (12).

И все-таки, узус *pinûn* č. тоже ограничен. Недоступной для него оказывается зона одушевленных объектов – никто не скажет по-шугнански (13).

(11)	<i>kampîr=i</i>	<i>xu</i>	<i>pûl-en</i>	<i>pinûn</i>	<i>čûd</i>	<i>xu</i>
	старушка-3SG	REFL	деньги-PL	скрытый	делать.PST	и
	<i>šič</i>	<i>wef</i>	<i>na-vir-ed</i>			
	сейчас	D3.PL.OBL	NEG-найти-3SG			

‘Старая женщина спрятала свои деньги и не может теперь их найти.’

(12)	<i>di</i>	<i>kor=at</i>	<i>pinûn</i>	<i>ca</i>	<i>na-čûj-at</i>
	D2.M.SG.OBL	работа=2SG	скрытый	SUBD	NEG-делать.PF-PQP
	<i>waxt-and-am</i>	<i>tu-rd</i>	<i>yordam</i>	<i>čûj-at</i>	
	время-LOC=1PL	2SG-LAT	помощь	делать.PF-PQP	

‘Если бы ты не скрыл это (дело) от нас, мы бы тебе вовремя помогли.’

(13)	<i>wāδ=ta</i>	<i>tu</i>	<i>pinûn</i>	<i>kin-en</i>
	D3.PL=IRR	2SG	скрытый	делать-3PL

‘Они спрячут тебя.’

Это не случайное для *pinûn* č. ограничение: по нашему мнению, сочетаемость с именами лиц всегда “последний рубеж” на пути освоения словом новой лексической зоны. Сочетаемость с природными объектами (к которым относятся в том числе люди) осваивается позже, чем область абстрактных понятий или артефактов, к которым легче применить новый предикат или оператор. В нашей лексикологической практике это обстоятельство подтверждалось на множестве примеров – начиная с цветообозначений (см. [11, с. 175–179]) о судьбе русского *коричневый*, а также других заимствований, как *проблема* в [12], и заканчивая процессами квазиграмматикализации на примере *куча* и его синонимов в [13]).

4. Редкие и исчезнувшие лексемы

Помимо описанных, в словаре Д. Карамшоева упоминается еще пять глаголов со значением ‘прятать’: *tuptā* č., *rûrîx* č., *biŷîn* č., *yarq* č., *rizîŋ*, так что в целом поле выглядит очень объемным. Это, однако, не так: все эти глаголы в сегодняшнем шугнанском либо утрачены, по крайней мере в нужном нам значении, либо маргинальны. Например, сложный глагол *tuptā* č., образованный

на базе прилагательного *tuptā* ‘спрятанный, укрытый, покрытый’, возможно, остался только в баджувском диалекте и не опознается носителями шугнанского.

Между тем, сам переход ‘закрывать, укрыть (cover)’ → ‘спрятать’, как мы уже говорили, вполне стандартен и засвидетельствован, в частности, в романских языках [4]. Поэтому не удивительно, что в шугнанском похожей исходной семантикой, согласно [1], обладают еще два признака, задействованные в структуре глаголов прятанья: заимствованное из таджикского прилагательное *rûrîx* ‘закрытый; покрытый’ и собственная шугнанская лексема *biŷîn* ‘накрытый, покрытый; крытый, застланный’. Оба они образуют сложные глаголы *rûrîx* č. и *biŷîn* č. с исходным значением ‘покрывать, накрывать’ и производным ‘скрывать’. Между тем, для *rûrîx* č. эта лексикографическая информация в современном шугнанском устарела: *rûrîx* č. в довольно большой степени вышел из употребления и остался прежде всего в сочетаниях с *guno* ‘грех, недостаток’ (14), а *biŷîn* č. остался основным глаголом для прямого значения ‘покрывать’, ср. (15)–(16):

(14)	<i>wi</i>	<i>guno-yen</i>	<i>mudûm</i>	<i>rûrîx-i</i>
	D3.M.SG.OBL	грех-PL	всегда	покрыть-2SG

‘Его грехи всегда покрываешь⁵.’

⁵ В этом значении существует еще одно частотное выражение *yaδ ti sit* č., букв. ‘экскременты сыпать песком’ в значении ‘покрывать кого-то’, ср.:

(15)	<i>tar</i>	<i>čīd</i>	<i>di</i>	<i>pāy</i>	<i>rib-i,</i>
	EQ	дом	D2.M.SG.OBL	кислое молоко	ставить-2SG.IMP
	<i>biŷīn</i>		<i>di</i>	<i>ki</i>	<i>xu,</i>
	покрытый		D2.M.SG.OBL	делать.IMP	и
					<i>lāk</i>
					оставить.IMP

‘Поставь кислое молоко в доме, покрой его и оставь.’ [1, т.1, с. 260]

(16)	<i>wam</i>	<i>qalā-en</i>	<i>biŷīn</i>	<i>čūŷŷ-at</i>
	D3.F.SG.O	крепость-3PL	покрытый	делать.PF-PQP

‘Ту крепость давно покрыли крышей.’ [1, т.1, с. 261]

Однако как переносное употребляется в предельно малом числе абстрактных контекстов, с объектом-ситуацией, очень напоминающих контексты русского *покрывать*, ср. (17):

(17)	<i>yā</i>	<i>xu</i>	<i>čor</i>	<i>guno-yen</i>	<i>biŷīn</i>	<i>kīxt</i>
	D3.F.SG	REFL	муж	грех-PL	покрытый	делать.3SG

‘Она скрывает проделки своего мужа’ [1, т.1, с. 261],

– правда, без возможности метонимического переноса на человека. Это значит, что естественный в русском смысл, возникающий благодаря метонимическому переносу с деятельности на субъекта деятельности:

‘она скрывает проделки своего мужа’ → ‘она его / мужа покрывает’

(то есть ‘скрывает его проступки или преступления’), в шугнанском не возникает для *biŷīn* č. Соответствующее предложение с этим глаголом будет пониматься буквально, ср.: ‘она мужа [чем-то] покрывает / укрывает (например, одеялом)’.

Четвертый глагол – тоже исходно таджикский – *yarq* č. необычайно интересен с точки зрения семантического источника. Он строится на базе прилагательного *yarq* ‘потонувший, погруженный (в жидкость, в грязь)’ и, согласно данным Д. Карамшоева, подтвержденным опросами носителей, имеет переносное значение ‘укрывать, скрывать’ – а прямое значение у него уже утрачено (и даже Д. Карамшоев не дает на него примеров). Ни наши данные, ни данные CLICS 3 перехода:

‘погружать в жидкость / грязь’ → ‘прятать’

не дают. Вместе с тем, по своей семантической природе он близок к известному ‘bury’ → ‘hide’, который встречается в удмуртском, ненецком, мари, гунзибском, кофан, отоми etc. (данные CLICS3 [5]) – разница только в субстанции, в которую погружается объект: земля это или жидкость / грязь. Интересно, что результирующий смысл оказывается интенсифицирован по сравнению с обычным ‘прятать’: *yarq* č. больше похоже на русское *запрятать*, *задевать* или устаревшее *запропасть* – то есть спрятать так, что никто не может найти:

(18) *Бабы, куда рукавицы-то запропастили?* [14, Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)]

(19) *На заставе меня спугают, а увидя золотые деньги, запропастят навеки.* [14, В.Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)]

(20) *Значит, в мае теперь? – и смотрит с улыбкой, и обиды нет, а если обида, то запрятанная.* [14, Владимир Маканин. Отдушина (1977)]

Ср. русский фразеологизм для некаузативной ситуации *как в воду канул*, который довольно точно отражает суть дела: в качестве русского эквивалента *yarq* č. следовало бы придумать что-то вроде *кануть кого-то / что-то как в воду*, ср. (21):

<i>Wi</i>	<i>yaθ-ti</i>	<i>mudūm</i>	<i>sit</i>	<i>kin-i</i>
D3.M.SG.O	экскременты-SUP	всегда	песок	делать-2SG

букв. на его экскременты всегда сыпешь песок (всегда его покрываешь, покрываешь его недостатки)

Ср. похожую русскую метафору *заметать следы* в значении ‘скрывать последствия проступков и преступлений’. Судя по данным НКРЯ [14], в буквальном значении субъектом выступают природные явления – снег, ветер, которые приносят снег или пыль и скрывают под ними дороги и следы: “<...> ветер взвизгивал, касаясь земли, заметал следы и выл протяжно, грустно” [Максим Горький. Злодеи (1901)]. Однако соответствующая русская метафора, как в: *Возможно, там попросту “заметали следы” – убирали то, что может вызвать подозрение?* [Известия, 2009.10.26] – принципиально отлична от шугнанской: в русской субъект, как бы наматывая снег или пыль на следы, уничтожает свидетельства исключительно *своих* преступлений – а в шугнанском он, как бы насыпая песок на экскременты, покрывает *чужие* грехи. Чужие следы стереть гораздо легче, чем свои, которые возникают за спиной идущего: ему пришлось бы идти задом наперед, чтобы воплотить такую метафору. Единственный способ оправдать русскую метафору по сравнению с шугнанской в том, чтобы возвести ее не к ветру или вьюге, а к лисе с пушистым хвостом.

(21)	<i>wi</i> D3.M.SG.OBL	<i>mardum</i> народ	<i>mol=i</i> скот=3SG	<i>yarq</i> потонувший	<i>čūd</i> – делать.PST
------	--------------------------	------------------------	--------------------------	---------------------------	----------------------------

‘(Так) он спрятал скотину людей.’ [так, что они не могут ее найти – может быть, даже продал]

По-видимому, это как раз хороший пример оценочного интерпретативного глагола, о которых мы говорили в первом разделе. Об обязательности оценки свидетельствует, в частности, то,

что говорящий не может употребить этот глагол применительно к себе, даже если он так спрятал, например, деньги, что теперь сам не может ничего найти.

(22)	<i>uz=um</i> ISG=1SG <i>γal-aθ</i> еще-ADV	<i>vegā</i> вчера <i>virêd-ow</i> найти-INF2	<i>xu</i> REFL <i>na-vārθ-im.</i> NEG-мочь-1SG	<i>pūl</i> деньги	<i>joy</i> место	<i>čūd,</i> делать.PST	(* <i>yarq čud</i>)
------	---	---	---	----------------------	---------------------	---------------------------	----------------------

‘Я вчера деньги спрятал, но до сих пор найти не могу.’

Наконец, последний глагол – собственно шугнанский, простой (не отыменной) и единственный из всех не имеющий внешних семантических источников – *rizīn*. По Д. Карамшоеву, он имеет очень узкое значение ‘припрятывать после охоты’ и одновременно другое значение – ‘поджаривать мясо после охоты в раскаленных камнях’. Сегодня он вышел из употребления – или, может быть, сохранился исключительно как профессиональный

среди охотников, но в принципе, шугнанцы помнят, что когда-то мясо зверя действительно оставляли среди камней – а поскольку камни в горах сильно накаляются под солнцем, такое хранение означает одновременно и поджаривание, так что связь этих двух значений вовсе не случайна. Однако примеры (23)–(24), которые приводит Д. Карамшоев, уже не опознаются обычными носителями:

(23)	<i>naxčīr=um</i> киик=1SG	<i>δod</i> бить.PST	<i>xu,</i> и	<i>dad=um</i> затем=1SG	<i>rizīn</i> прятать	<i>wedδ</i> класть.PST
------	------------------------------	------------------------	-----------------	----------------------------	-------------------------	---------------------------

‘Я подстрелил киика и его тушу спрятал.’ [1, т. 2, с. 497],

(24)	<i>du</i> два <i>sêd-tīr</i> плоский камень-SUP	<i>cicū=m</i> улар=1SG	<i>δod,</i> бить.PST <i>rizīn</i> жарить	<i>wi</i> D3.M.SG.OBL <i>čūd</i> делать.PST	<i>yīw=um</i> один=1SG
------	--	---------------------------	---	--	---------------------------

‘Я убил двух уларов, одного изжарил среди камней.’ [1, т. 2, с. 497].

5. Заключение

История с полем ‘прятать’ в шугнанском интересна сама по себе, потому что вносит определенный вклад в типологию соответствующего поля. Шугнанский подтверждает и дополняет уже замеченные в других языках семантические переходы и стратегии колексификации, такие как:

- ‘помещать’ → ‘прятать’ (доминантный глагол *jo(y) č.*)
- ‘накрывать / укрывать / cover’ → ‘прятать’ (исходно таджикские глаголы *tuptā č.*, *rūpūx č.* и шугнанский *bīyīn č.*)
- ‘хранить / keep’ → ‘прятать’ (доминантный глагол *jo(y) č.*)

– и даже обогащает их, добавляя переход:

- ‘погружать в жидкость / грязь’ → ‘прятать’ (*yarq č.*), симметричный засвидетельствованному:
- ‘bury’ → ‘hide’

с точностью до субстанции, в которую при этом тайно погружают объект.

Однако есть и еще одна интересная особенность шугнанской системы, а именно способ ее взаимодействия с конкурирующей и усиливающей

свое влияние таджикской – и отчасти русской. В шугнанском нет собственного глагола с семантикой ‘прятать’. Фактически, все действующие предикаты этой группы: *jo(y) č.*, и *pinūn č.*, *yarq č.*, практически утраченные *tuptā č.*, *pano č.* и *rūpūx č.* – это сложные глаголы, заимствованные из таджикского.

Единственный “настоящий” и собственно шугнанский глагол прятанья – *rizīn* – имеет крайне специфическую семантику: это прятанье добычи (причем очень особенное – среди камней, ср. дополнительное метонимическое значение ‘жарить на камнях’) *от зверей*, а не от людей.

Заметим, что собственно шугнанский глагол *bīyīn č.* с исходным значением ‘закрывать, покрывать’, которое представляет собой известный семантический источник для ‘прятать’, фактически не развивает этого значения (хотя мог бы!) – если не считать очень скромного набора контекстов, вероятнее всего, поздних и калькированных с русского. Таджикские заимствования со значением прятанья с этим источником (*tuptā č.*, и

rūpīx ě.) в шугнанском, как мы видели, тоже почему-то не прижились.

Таким образом, основной шугнанский глагол для ‘прятать’ — *jo(y) ě* — тоже заимствование. Его значение описывается широко распространенным в языках переходом от конкретного ‘класть / хранить’ к более абстрактному ввиду неопределенности ‘прятать’. Однако в таджикском этот глагол не играет такой важной роли, там он находится, скорее, на периферии системы. В таджикском основным для прятанья является глагол *pinxon kardān* на базе прилагательного с абстрактным значением ‘тайный, скрытый’, так что семантика основного таджикского глагола не метафорична. Это известный нам когнат шугнанского *pinīn ě*. (вспомним, что таджикизм *pano ě*, сохранившийся в шугнанском только в формуле *Pano bar Xidoū*, имел практически то же значение).

Между тем, в шугнанском этот доминантный для таджикского глагол, когнат *pinīn ě*, имеет довольно ограниченную сочетаемость — в частности, он не применим к объекту-человеку и в целом тяготеет к абстрактным контекстам (хотя уже употребляется с артефактами). То есть массовое заимствование таджикской лексики для освоения семантики прятанья произошло, и произошло в отношении почти всех глаголов — но в результате системы все равно не оказались идентичными: новая шугнанская построена на именной метафоре, а уже освоенная таджикская — на сложном глаголе с абстрактным признаком в его составе.

Ясно, что исходная система в шугнанском была практически лишена поля ПРЯТАТЬ — и то, что мы видим на разобранном нами лексическом материале, — это процесс формирования поля, который мы до некоторой степени можем отслеживать. Мы видим, что в нашем случае формирование поля происходит путем заимствования лексем из таджикского и происходит оно, во-первых, постепенно, а во-вторых, с некоторым своего рода “сопротивлением” шугнанской лексической системы. Оно проявляется в периферийности основных для таджикского глаголов на базе абстрактных признаков ‘скрытый, тайный’ и в выборе другого, совершенно конкретного источника для семантической доминанты: ‘класть / хранить’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамшоев Д.К. Шугнанско-русский словарь. Том 1–3. М.: “Восточная литература” РАН, 1988–1999.

2. Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
3. Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П. Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
4. Резникова Т.И. Глаголы прятанья: типология систем (в печати).
5. List J.-M., Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S., Forkel R. CLICS3: The Database of Cross-Linguistic Collocations, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // Sci Data 7, 13, 2020.
6. Толстая С.М. Глагол *найти/находить* и его семантические корреляты // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 338–346.
7. ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной / Под общ. ред. Д.А. Рыжовой, Н.Р. Добрушиной, А.А. Бонч-Осмоловской, А.С. Выренковой, М.В. Кюевой, Б.В. Орехова, Т.И. Резниковой. М.: Лабиринт, 2018.
8. Апресян В.Ю. Контроль и отрицание: взаимодействие значений // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 3–26.
9. Кустова Г.И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка. Языки этики. Сборник научных трудов. М.: Наука, 2000. С. 125–133.
10. Мирбобоев А. Таджикско-русский словарь. Душанбе: Институт языка и литературы АН РТ имени Рудаки, 2006. 782 с.
11. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
12. Ляшевская О.Н., Рахилина Е.В. Новые конструкции как хорошо забытые старые // Лингвистика конструкций / Е.В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010.
13. Рахилина Е.В., Су Хен Ли. О категории лексической множественности // Лингвистика конструкций, Е.В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010.
14. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/new/>

REFERENCES

1. Karamshoev, D.K. *Shugnansko-russkij slovar* [Shughni-Russian Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., Vol. 1–3, 1988–1999. (In Russ.)
2. Zhivov, V.M. *Istorija ponyatij, istorija kultury, istorija obshchestva* [The History of Concepts, the History of Culture, the History of Society]. *Ocherki*

- istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego novogo vremeni*. [Essays on the Historical Semantics of the Early Modern Russian language]. Moscow, Jazyki slavyanskikh kultur Publ., 2009, pp. 2–26. (In Russ.)
3. Edelman, D.I., Yusufbekov, Sh.P. *Shugnanskij jazyk* [Shughni]. *Jazyki mira: Iranskije jazyki. III. Vostochnoiranskije jazyki* [Languages of the World: Iranian Languages. III. Eastern Iranian Languages.] Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 225–242. (In Russ.)
 4. Reznikova, T.I. *Glagoly pryatanja: tipologija sistem* [Verbs of *Hiding*: Typology of Systems] (in print). (In Russ.)
 5. List, J.-M., Rzymiski, C., Tresoldi, T., Greenhill, S., Forkel, R. CLICS3: The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Sci Data* 7, 13, 2020.
 6. Tolstaya, S.M. *Glagol najti – nakhodit' i jego semanticheskiye korrelyaty* [The Verb *to find* – *to find* and Its Semantic Correlates]. *Slovo i jazyk. Sbornik statej k vosmidesyatiletiju akademika Ju. D. Apresyana* [Word and Language. Collection of Articles on the Eightieth Anniversary of Academician Yu.D. Apresyan]. Moscow, 2011, pp. 338–346. (In Russ.)
 7. *EVrika! Sbornik statej o poiskakh i nakhodkakh k jubileju E.V. Rakhilinoj* [Collected Papers on *Searching* and *Finding* in Honour of E.V. Rakhilina]. Moscow, Labirint Publ., 2018. (In Russ.)
 8. Apresyan, V.U. *Kontrol i otritsanije: vzaimodejstvije znachenij* [Control and Negation: the Interaction of Values]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2014, No. 2, pp. 3–26. (In Russ.)
 9. Kustova, G.I. *Predikaty interpretatsii: oshibka i narushenije* [Predicates of Interpretation: Error and Violation]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki etiki. Sbornik nauchnykh trudov* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 125–133. (In Russ.)
 10. Mirboboev, A. *Tadzhiksko-russkij slovar. Dushanbe: Institut jazyka i literatury AN RT imeni Rudaki* [Tajik-Russian Dictionary. Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan]. 2006. 728 p.
 11. Rakhilina, E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. (In Russ.)
 12. Liashevskaya, O.N., Rakhilina, E.V. *Novyye konstruksii kak khorosho zabytyje staryje* [New Constructions As Well-Forgotten Old Ones]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of Constructions. E.V. Rakhilina (ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. (In Russ.)
 13. Rakhilina, E.V., Su Hen Li. *O kategorii leksicheskoy mnozhestvennosti* [On the Category of Lexical Multiplicity]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of Constructions. E.V. Rakhilina (ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. (In Russ.)
 14. *NKRYa. Natsionalnyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru/new/>

Дата поступления материала в редакцию: 26 сентября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on September 26, 2021

Revised on October 5, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021